

Павел Петрович
СВИНЬИН

ЕРМАК,
ИЛИ ПОКОРЕНИЕ
СИБИРИ

Москва
T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С24

Свиньин, П. П.

С24 Ермак, или Покорение Сибири / П. П. Свиньин. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 386 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77190-5

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантурные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77190-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Со всем тем я не дерзнул бы украсить труд свой почтеннейшим именем вашего сиятельства, зная тонкость и разборчивость вкуса вашего в литературе, если б в то же время не знал и снисходительности вашей ко всему отечественному и если б в романе сем не занимали самое почетное место знаменитые Строгановы.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства, милостивая государыня, покорнейшим слугою,

Павел Свинын.

ВВЕДЕНИЕ

Мудрено поверить, что событие, подобное завоеванию Сибири, заслужило только несколько страниц в «Истории государства Российского», хотя, по-видимому, оно во всех отношениях представляло достойное поприще глубокомыслию и витийству Карамзина. Кажется непостижимым, почему знаменитый историограф наш не воспользовался сим великим событием, удивившим Европу не менее завоевания Америки, и не дал свободы неподражаемому перу своему, чтобы превзойти в красноречии описателя открытия Нового Света? Но удивление прекратится, когда узнаем на опыте скудность, неверность и безжизненность материалов, коими должен был историограф ограничиться. Скажем даже, что удивление наше увеличилось к таланту, умевшему из хаоса противоречий и темных преданий извлечь столько важных истин и составить столько прекрасных картин, ибо по обязанности историка Карамзин должен был каждое слово свое подкреплять документами, каждое определение основывать на свидетельстве неоспоримом, очищенном критикой!

Летописи же о завоевании Сибири противоречат одни другим, начиная с положительных начал до малейших подробностей, и вместе с тем не заключают в себе ни одной из сих последних, по которой бы историку можно было представить верную картину сего великого события или обрисовать, хотя бы поверхностно, исполинов, совершивших столь великое дело! Всякому русскому, думаю, всякому космополиту желалось бы познакомиться ближе с завоевателями Сибири: Строгановыми, Ермаком, Кольцом, Грозою, Паном и Мещеряком; но современные им бытоописатели не оставили нам красок для их портретов, и знаменитая эпоха сия утратилась даже в самих преданиях.

По крайней мере, мне стоило большого труда на самом месте собрать несколько подробностей, несколько поверий. Я радовался как приятнейшему открытию, как счастливой находке малейшей догадке, рождавшейся при ближайшем наблюдении следов Ермакова похода. Сами сказки были для меня нередко лучом истины или очарованием поэзии! Одна только природа — природа единственная, величественная — мало изменилась в Сибири и с правдоподобностью переносила мое воображение в знаменитую эпоху завоевания полночного царства. «Может быть, об этот камень, — мечтал я, — ударялась также ладя Ермака, когда боролся он со стремнинами Чусовой; может быть, он сидел под этой лиственницей, на этом холме близ Тагила — полон дум великих?» И если мечты эти доставляли мне тогда особенное наслаждение, то теперь, когда я предпринял представить

в живой картине покорение Сибири, они сделались для меня драгоценными, необходимыми. Таким образом, предания о князе Ситком, сражавшемся в рядах завоевателей Сибири под славным именем атамана Грозы; об усердии шамана к русским, немало содействовавшего Ермаку в покорении дикарей; о мстительности Мещеряка; об орле, упавшем к ногам завоевателя Сибири в минуту решимости храброй дружины на это великое дело; о любви Грозы к Велике; несколько местных сведений о Строгановых и Кучуме; предания о названии Орла-городка и тому подобное — подали мне возможность выполнить мое предприятие если и несовершенно, то по крайней мере достаточно для того, чтобы извлечь из мрака великие характеры, которые вообще соединяя с доблестями и добродетелями слабости и недостатки человечества, бывают столь драгоценны для романиста и привлекательны для читателя!

Рассмотрев беспристрастно покорение Сибири казаками, найдешь его еще удивительнее, еще чудеснее завоевания Америки Писарро и Кортесом. Правда, огнестрельное оружие и устройство войска делали решительный перевес и на сторону казаков, которых дикие также сначала почитали за непобедимых и бессмертных. Но очарование это умаялось по мере их приближения к столице Сибири, ибо, как известно, Кучум защищал ее пушками. Итак, убийственное действие и гром пороха не были главной причиной дивных побед Ермака, а главная причина оных заключалась в личных его доблестях и мужестве его сподвижников.

Сочту себя весьма счастливым, если успею здесь доказать то и другое на самом деле. Для полноты же картины считаю нелишним присовокупить краткую выписку из «Истории...» Карамзина касательно первых сведений россиян о Сибири.

«Сие неизмеримое пространство Северной Азии, — говорит он, — огражденное Каменным Поясом, Ледовитым морем, океаном Восточным, цепью гор Алтайских и Саянских, — отечество малолюдных племен монгольских, татарских, чудских и американских, укрывалось от любопытства древних космографов. Там, на главной высоте земного шара, было, как угадывал великий Линней, первобытное убежище Ноева семейства после гибельного, всемирного наводнения; там воображение Геродотовых современников искало грифов, стерегущих золотое руно; но история не ведала Сибири до нашествия гуннов, турок, монголов на Европу; предки Аттилы скитались на берегах Енисея; славный хан Дизавул принимал Юстинианова сановника Земарха в долинах алтайских; послы Иннокентия IV и Святого Людовика ехали к наследникам Чингисхановым мимо Байкала, и несчастный отец Александра Невского падал ниц пред Гаюком в окрестностях Амура. Как данники монголов, узнав в XIII веке юг Сибири, мы еще ранее как завоеватели узнали ее северо-запад, где смелые новгородцы уже в XI веке обогащались мехами драгоценными. В исходе XV столетия знамена Москвы развевались на снежном хребте Каменного Пояса, или древних гор Рифейских, и воеводы Иоанна III возгласили его великое имя на бе-

регах Тавды, Иртыша, Оби, в пяти тысячах верстах от нашей столицы.

Уже сей монарх именовался в своем титуле *Югорским*, сын его — *Обдорским и Кондийским*, а внук — *Сибирским*, обложив данью сию монгольскую или татарскую державу, которая составила из древних улусов ишимских, тюменских или шабанских, известных нам с 1480 года и названных так, вероятно, по имени брата Батыева Шабана — единовластителя Северной Азии на восток от моря Аральского.

Но еще господство наше за Каменным Поясом было слабо и ненадежно. Кучум, овладев Сибирью, искал благоволения Иоаннова, когда еще опасался ее жителей, насильно обращаемых им в магометанскую веру, и ногаев — друзей России. Но, утвердив власть свою над Тобольской ордой, перезвал к себе многих степных киргизов и, женив сына Алея на дочери ногайского князя Тин-Ахмата, уже не исполнял обязанностей нашего данника; тайно сносился с черемисой, возбуждал сей народ свирепый к бунту против государя московского и под смертной казнью запрещал остякам, югорцам, вогуличам платить древнюю дань России.

Царь Иоанн Васильевич, озабоченный важными, непрестанными войнами, не мог распространить ни власти своей над отдаленной Сибирью, ни наказать Кучума. Он уступил это, так сказать, Строгановым — богатейшим всельникам того края, позволив им строить крепости в земле Сибирской, чтобы стеснить Кучума в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность

наших. В 1574 году он даровал им жалованную грамоту на землю неприятельскую».

Последствия доказали, с какой пользой и славою умный Строганов воспользовался сею царскою милостью, и вместе с тем заставляют решительно сказать, что без руководства его и пособий предприимчивость и отважность Ермака, храбрость его дружины остались бы без успеха.

После сего трудно поверить, что в великом множестве разного рода бумаг, находящихся при конторах строгановских поместий и заведений, не отыскалось доселе никаких актов, касающихся похода Ермака, по которым бы можно было сделать свод сибирских летописей, приводящих противоречиями своими в недоумение не только историка, но и романиста, желающего основать свое повествование на истинах исторических. Не отыскалось актов, по которым бы можно было решить, которой верить из известных летописей: Строгановской, Есиновской или Ремезовской, различных между собой в самых главных показаниях. Так, например, по показаниям второй и последней (которым следовали Миллер и Фишер), Ермак привел к Строгановым дружину, простиравшуюся до 7 тысяч человек, а следуя первой, которой держался Карамзин, она не превышала восьмисот сорока человек. Столь же великая разница значится во времени той эпохи. Последователи Тобольской летописи утверждают, что Ермак пришел к Строгановым в 1577 году, а Сибирская летопись означает 1579 год годом их пришествия. Первая говорит о двух походах ка-